

"ПОЛЯРНЫЙ ВАРЯГ"

рассказ

На память об Арктике я подарю вам фотографию корабля, — сказал мне радист Грачев.

Я взял переданный мне снимок. Небольшой торговый пароход. На борту можно разобрать: «Дежнев».

Я знал, что Грачев побывал едва ли не на всех полярных кораблях.

— Вы плавали на «Дежнев»? — спросил я.

— Нет. Радистом на нем я не плавал. Но этот корабль мне особенно дорог.

— Почему?

— Это «Полярный Варяг».

— «Варяг»?

— Разве вы не слышали о знаменитом бое между торговым пароходом «Дежнев» и немецким бронированным военным кораблем?

Мне даже неловко стало — как мог я забыть! Я ведь даже видел картину какого-то художника, где нарисован этот бой с борта «Дежнева».

— Я мог бы нарисовать этот бой с борта немецкого рейдера, — сказал Грачев.

— С борта рейдера? — изумился я, поглядев на Грачева, но лицо его было серьезно.

— Всему миру известен этот случай у полярного острова, но никто, кроме меня да гитлеровцев, не испытал на себе силу дежневских снарядов.

— Об этом можно рассказать? — нерешительно спросил я.

— Отчего же... Об этом много писали. В «Двух капитанах» про рейдер этот тоже упоминается. А если хотите послушать очевидца, послушайте.

Время было напряженное, военное. Ходил я на небольшом кораблике, старом, заслуженном. Нет полярника, который не знал бы его имени. И я его любил, как родной дом любил. Мы обходили полярные станции, завозили полярникам продовольствие, оборудование, топливо... Вот как сейчас «Георгий Седов» делает, на который вы попасть должны...

Про рейдер германский мы ничего не знали. Слышали только, что иногда он пробирается на наши коммуникации. Встретились с ним, подлым, случайно, в таком месте, где корабли никогда и не плавают. Только наш кораблик и могло туда занести.

Туман как раз раздернуло. Видимость двадцать миль. На горизонте дымок. Что за чертовщина? Какой корабль мог тут оказаться? Запрашиваем по радио. Ответа нет!

Подожли немного ближе, смотрим... Вот те штука! Да это немецкий военный корабль. Вот он где крадется!.. Воспользовался, что в этом месяце в море льдов на редкость мало.

Расстроили мы подлецу всю его операцию. По радио о нем сообщили и стали удирать. Он за нами. Лед бы нас спас, да между льдом и нами — рейдер. Несемся на всех парах. Рейдер по радио велит нам лечь на дрейф. Ну, я бандиту этому по приказу капитана такое отстучал, что не знаю, как уж они там на свой язык перевели...

Гонка, сами понимаете, неравная. Стал рейдер нас снарядами накрывать. То перелет, то недолет. Потом ближе стали ложиться снаряды. Впереди «белое небо». Это лед на облаках отражается. Значит, близко льды.

Спешим мы ко льдам, а рейдер от нас уже милях в десяти. Вдруг меня в радиорубке так тряхнуло, что чуть зубы о приемник не вышибло. В корму прямое попадание. Надстройка вспыхнула. Стали тушить, а корабль ходу не сбавляет. Кочегары пар нагнали выше нормы.

Наконец лед показался. Никогда мы его с такой надеждой не ждали. Второе попадание в борт. Все!

Дым повалил, у меня в рубке дышать нечем. Капитан приказал шлюпки спускать. А лед близко, рукой подать. Ну хоть люди до него доберутся. У нас на борту женщины и дети были.

В рубке я один сижу... Капитан последние донесения в штаб передал, потом моряки радиogramмы стали отправлять. Нельзя не передать. А дымище в рубке — слезы из глаз.

Всякие радиogramмы мне давали. В общем правильные радиogramмы. Только один морячок у нас не выдержал. Велел жене передать, что погибает и пусть, мол, она сына в море не пускает. Я передал... да не очень точно.

Паренек у него хороший. Он в мореходном училище теперь в Архангельске учится.

Смотрю, наш старик пароходик крениться стал. Не разберешь, где в рубке стена, где палуба. Решил я, что пора давать: «Кончаю передачу»...

Налил себе стакан спирта и стучу ключом: пью, дескать, последний стакан и тот за победу... Выпить только полстакана удалось: соленой водой спирт разбавило, через иллюминатор вода полилась. Я к двери. Оглянулся — аппаратуру водой заливает. Еще подумал: «Эх, изоляцию испортит». Совсем голову потерял.

Корабль уже на борт лег. Я по палубе, как по стене, лезу. Вижу, капитан стоит, за реллинги держится. Заметил меня, на море рукой показывает — прыгай! Больше я его не видел. С корабля меня волной смыло.

Ох, вода холодная! Плыть невозможно. Трепыхаюсь, как щенок. Дух захватило...

И вдруг заметил... Совсем недалеко шлюпка перевернутая. Вмиг до нее доплыл. Ухватился за киль, а выбраться из воды не могу: сил нет. Понимаю, что закован в воде — тогда конец. Начал подтягиваться на руках. Дерево скользкое, грудью на него лягу, а удержаться не могу,

сползаю. Еще и еще раз подтянулся, все локти пытался за киль забросить.

Не знаю как, но все-таки влез на шлюпку, на киль верхом сел. Перед глазами круги мелькают, сам весь мокрый, в горле пересохло.

Оглянулся — старика нашего нет, потонул. Меня замутило сразу. До того никогда морской болезнью не страдал... А рейдер совсем близко подошел, катер спускает. В другую сторону посмотрел — вижу: шлюпки к льдинам пристали, народ на лед выбрался. Я маленьких пересчитал — детишек с корабля. Помню, четверо их было. Живы, ну счастье!

Катер прямо к льдине идет. По дороге одну шлюпку нагнал и людей забрал. Потом к льдине направился. Думаю, сейчас и детей с льдины снимут.

А фашист к льдине не пошел. Из пулемета очередь дал. Упали наши люди на льдине. Не знаю, кто убит был, кто так упал... Бандит еще по лежащим стрелял. Такая меня ненависть взяла. Сажу я на киле шлюпки и ругаюсь.

Не знаю, за кого они меня приняли. Может быть, за капитана... Они видели, как я последним с корабля сошел. Направили ко мне катер.

Внутри во мне все напряглось, и про холод позабыл.

Документы у меня в бумажнике лежали. Вынул я бумажник, сунул в него набор радиоинструмента, отверточки всякие — для веса. Потом выбросил бумажник в воду. Партбилет отдельно был... на тельняшке, в специальном карманчике. Вслед за бумажником сам прыгнул в воду. Нырнул, как нерпа, под лодку. Там вынырнул, дышу. Может, бандиты подумают, что утонул.

Но бандиты к шлюпке подошли вплотную, ухватили ее за борт и приподняли. Ну, я как муха в блюдечке. Наверно, оглушили меня прикладом по голове. Не помню. Должно быть, я не давался, потому что били меня сапогами, когда я на дне катера лежал.

На рейдер меня подняли на веревке. Под мышками здорово резало...

Палуба на корабле блестит, все выкрашено, надраено. Матросы с любопытством поглядывают, «капитаном» называют. Ладно, думаю.

Сунули меня в железный шкаф. В нем можно только стоять. Внизу в двери дырки сделаны, для дыхания, — и больше ничего. Хотел я на пол сесть — никак колени не согнешь. Стою, вздрагиваю. Сначала думал, что от холода. Но потом согрелся, одежда подсохла, а я все вздрагиваю. Почувствовал я, стенки карцера содрогаются. Понял, что это орудия немецкие бьют.

Во мне словно что-то оборвалось. Так и представилась бухта, а в ней корабли на рейде. Неужели к острову рейдер подкрался?

Еще залп и еще... После каждого залпа все вокруг гудит. Уперся я локтями в стенки, напрягаюсь, да разве раздвинешь железо?

И вдруг особенно сильно трянуло. Я от радости даже подпрыгнул. В рейдер попадание! Неужто бой? Значит, получили наше сообщение. Приготовили гостю подарок. Эх, увидеть бы, что наверху творится!

Еще раза два крепко трянуло. Три прямых попадания! Вот это прицел! Кто же мог задать такую трепку рейдеру?

Вдруг открывается дверь моего шкафа и на ломаном русском языке говорят: «Гер капитан, вам приказать явиться на капитанский мостик».

Так бы и побежал наверх, чтобы скорей все своими глазами увидеть, но иду спокойно, будто не тороплюсь.

Взошел на палубу. И как раз четвертое попадание. Осколки по броне застрекотали. Дым поднялся, что-то загорелось. Провожатые меня поторапливают.

Передо мной остров. Остров мой! Корабли в бухте вижу. И кто-то лупит по рейдеру из тяжелых орудий. Поднялся я на мостик. Там офицеры немецкие. Один, старший, в бинокль смотрит. Меня к нему подвели.

«Гер капитан, — говорит он, — вам надлежит отвечать точно и кратко. Как называется тот крейсер, который вступил с нами в бой? На его борту написано «Дежнев». «Дежнев» — это есть торговый пароход и есть маскировка. Вы были недавно на острове и должны знать о военных

кораблях». — «Не знаю», — отвечаю я и сам удивляюсь: откуда крейсер взялся? «Это не береговая артиллерия, — говорит фашист. — Тяжелые снаряды направлены с корабля. Мы вычислили направление их полета».

«Не ты вычислил, — думаю про себя, — а они братишки, вычислили, да еще как славно вычислили!»

Дали мне бинокль. Смотрю, стеклам не верю! Не крейсер идет на сближение с рейдером, а «Дежнев» мой старый знакомый, не раз я на нем бывал. Не может на нем быть тяжелых орудий...

Вспомнил я тогда о славном «Варяге», который один на сближение с целой японской эскадрой шел.

«Ну?» — торопят меня. «Что вы меня спрашиваете, когда уже получили визитные карточки!» — ответил я.

И словно мне в подтверждение, взорвался на палубе тяжелый снаряд. Меня воздушной волной с ног сбило. Кто-то закричал, застонал.

«Поставить дымовую завесу!» — приказал немецкий офицер.

Видно, не было записано в их морских уставах, что торговый пароход может стрелять тяжелыми снарядами по военному кораблю.

Поставили немцы дымовую завесу. На палубе и на мостике суматоха. Рейдер стал уходить от своего странного противника.

Тут переменялся ветер. Сама Арктика ополчилась на незваного гостя. Погнал ветер косматый грязный дым. Рейдер бежит от него, а дым за рейдером гонится. А в море белые льдины прыгают, как будто радуются, что рейдеру досталось.

Дым все-таки догнал немца. Рейдер вошел как бы в плотный туман, ближней стальной башни не видно. На мостике суетятся серые тени.

Я нагнулся через реллинги. Вижу — льдина за бортом. Оттолкнул я приставленного ко мне матроса — и через борт. О воду сильно расшибся. Снова дух от холода захватило. Вынырнул — льдина рядом. Стал я на нее выбирать, а рейдера уж нет, дым кругом. Меня с борта, конечно, не видно.

Выбрался на льдину. Упал на лед, воздух глотаю.

Потом пронесло дымовую завесу. И вдруг вижу — в небе самолет. Сразу его узнал. Баранов! Он тогда военным летчиком был. Пролетел он над завесой. Слышу взрыв бомб... Ох, не поздоровится теперь рейдеру! Не удалось ему втихомолку подползти к нам.

Дымовую завесу пронесло. Показался остров.

Остров мой! Смотрю на него, так бы и притянул к себе глазами. Но остров не приближался, а через час и совсем скрылся из виду.

Тут радость моя, по правде сказать, сразу омрачилась.

Удивительное у человека устройство. Обречен ведь я был, а на лед упал — и уснул мертвецким сном. Сколько спал — не определишь... Солнце все так же было в небе — полярный день.

Проснулся от лютого голода и холода. Одежда моя обледенела, зуб на зуб не попадает. Огляделся — кругом море... Льдина моя была предрянная, уже изрядно источенная водой. Тут меня злость взяла. Злость, наверно, меня и спасла.

Неважные были трое суток. Льдиной я потом и в госпитале бредил, после того как меня все тот же «Дежнев» с льдины снял. Воспаление легких и десяток других болезней, едва жив остался... С тех пор больше не плаваю. А вот, кстати, посмотрите на «Дежнева», он на рейде стоит.

Грачев показал в окно на небольшой чистенький торговый пароход. Одна из его стрел поднимала из трюма большие ящики. Лебедка деловито пыхтела.

— Как же стрелял «Дежнев» из тяжелых орудий? — спросил я.

Грачев усмехнулся, сощурил глаза.

— Видите ли, какое дело. Конечно, немцы правильно высчитали. Дело не в береговой артиллерии было. Перевозил «Дежнев» в район военных действий дивизион тяжелых орудий. Командир дивизиона — фронтовик. Как заметил противника, развернул орудия прямо на палубе и открыл по рейдеру прицельный огонь. А капитан снялся с якоря и бесстрашно с рейдером на сближение пошел. Хоть на воде, а удачно стреляли наши артиллеристы... Пустился рейдер наутек. Вот. А дальше

уж его погнала наша авиация. Разделала как следует. Баранов и другие...